

Содержание

Введение.....	11
Название Псалтири	14
Внутренняя хронология книги.....	15
О ремарках/надписаниях псалмов	16
О двух версиях Псалтири.....	20
Почему псалмов 150?	22

ГЛАВА 1

ЖАНРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЕМЫ ПСАЛМОВ ...	24
---	----

ГЛАВА 2

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ПСАЛОМ	39
--------------------------	----

ГЛАВА 3

ДЕВЯНОСТЫЙ ПСАЛОМ	56
-------------------------	----

ГЛАВА 4

ПСАЛМЫ ПЕРВОГО ЧАСА	72
Пятый псалом	77
Восемьдесят девятый псалом	81
Сотый псалом	88

ГЛАВА 5

ПСАЛМЫ ТРЕТЬЕГО ЧАСА	94
Шестнадцатый псалом	95
Двадцать четвертый псалом.....	101

ГЛАВА 6	
ПСАЛМЫ ШЕСТОГО ЧАСА	109
Пятьдесят третий псалом.....	114
Пятьдесят четвертый псалом	119
ГЛАВА 7	
ПСАЛМЫ ДЕВЯТОГО ЧАСА	129
Восьмьдесят третий псалом	130
Восьмьдесят четвертый псалом	138
Восьмьдесят пятый псалом	143
ГЛАВА 8	
ПСАЛМЫ ВЕЧЕРНИ	147
Сто третий псалом	148
Первый псалом.....	159
Сто сороковой псалом	166
ГЛАВА 9	
ПСАЛМЫ УТРЕНИ	173
Девятнадцатый псалом	176
Двадцатый псалом	181
Сто тридцать четвертый псалом	187
Сто сорок восьмой псалом	193
Сто сорок девятый псалом.....	195
Сто пятидесятый псалом	197
ГЛАВА 10	
ШЕСТОПСАЛМИЕ	199
Третий псалом.....	200
Тридцать седьмой псалом	204
Шестьдесят второй псалом	208
Восьмьдесят седьмой псалом	212

Сто второй псалом.....	215
Сто сорок второй псалом	221

ГЛАВА 11

ПСАЛМЫ В ЛИТУРГИИ	225
Сто сорок пятый псалом	229
Тридцать третий псалом	235
Двадцать второй псалом.....	240

ГЛАВА 12

ПСАЛМЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА И ПАСХИ.....	243
Сто тридцать шестой псалом	244
Шестьдесят седьмой псалом	251
Сто семнадцатый псалом	259

ГЛАВА 13

СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ПСАЛОМ	263
--------------------------------	-----

*Ты, Господи, щит предо мною, слава моя,
и Ты возносишь голову мою. Гласом моим
взываю к Господу, и Он слышит меня
со святой горы Своей. Ложусь я, сплю
и встаю, ибо Господь защищает меня.*

Пс. 3: 4–6

*Во всем писании дышит благодать Божия,
но в сладкой песне псалмов дышит она
преимущественно. История наставляет,
закон учит, пророчествует, предвозвещает,
нравоучение убеждает, а книга псалмов
убеждает во всем этом и есть самая
полная лечебница спасения человеческого.*

Свт. Амвросий Медиоланский

*Псалмы молят о будущем, воздыхают
о настоящем, каются в минувшем,
радуются о благих делах, радость
Небесного Царствия предваряя.*

Блаженный Августин

Перед вами несколько лекций, прочитанных в 2021 году в рамках занятий в приходской воскресной школе для взрослых в храме Богоявления города Ярославля, где я и тружусь настоятелем.

Псалтирь — самый однозначный выбор библейской книги для чтения и разбора священником с приходом: очевиднее этого выбора лишь Евангелие. Причина в том, что Псалтирь — это наиболее регулярно используемый в нашей молитвенной жизни библейский текст. Но, при всей популярности, псалмы — текст ветхозаветный, сложный, отстоящий

от нас достаточно далеко в своем историческом и культурном контексте и поэтому, безусловно, нуждающийся в осмыслении, толковании. Этому я и хочу посвятить данную книгу.

Поговорим мы, конечно, не обо всех псалмах: комментарии на текст Псалтири достаточно распространены. Из святоотеческих стоит обратить внимание на гениальные «Беседы» на ряд псалмов святителя Василия Великого и толкования всей Псалтири свт. Афанасия Александрийского и блж. Феодорита Кирского, а из комментариев современных авторов я бы особенно выделил книгу «Живая Псалтирь день за днем» мудрейшего библеиста Владимира Сорокина, с которым мне посчастливилось разделять труды преподавания в колледже «Наследие». Мы же рассмотрим лишь те из псалмов, что используются за богослужением, что востребованы в рамках домашней молитвы: поговорим об их жанровой принадлежности и месте в Псалтири, упомянем их структурные особенности, а также попытаемся актуализировать их для нашей молитвенной жизни.

Введение

Псалтирь является основой абсолютно любого христианского богослужения. Она не только исключительно широко представлена в богослужении Православной Церкви — в богослужебных текстах всех остальных христианских Церквей и деноминаций псалмы и их мотивы находят свое отражение. Там мы встречаем как псалмы, читаемые целиком, так и цитаты, взятые из Псалтири, реминисценции и аллюзии, связанные с ней.

Почему в христианском богослужении псалмам уделяется такое большое внимание? Первое соображение касается не только Псалтири, но всего Ветхого Завета. Традиционному христианству принципиально важно было осознавать и демонстрировать идею, что новая община — наследница ветхозаветной, подчеркивать, что оно не возникло в вакууме, а является правопреемником откровений, данных древнему Израилю. В неортодоксальном, гностическом христианстве¹ была крайне популярна мысль о том, что Бог

¹ Гностицизм — совокупность религиозно-философских движений эпохи позднего эллинизма (II в.), имевших следующие характерные черты: 1) дуализм, относящий творение материального мира и его историю к сфере деятельности злого начала, действующего независимо от воли трансцендентного и неведомого Бога; 2) идея о необходимости и возможности спасения,

Ветхого Завета есть лишь демиург — ограниченный администратор-сотворец этого мира, подчиненный высшему Абсолюту и часто противящийся Ему. На практике это вело к презрению и отвержению Ветхого Завета — получалось, что истинный Абсолют долгое время был безучастен к судьбам собственного творения и лишь на определенном этапе включился в историю, ниспослав в мир, подвластный демиургу-Яхве, своего эмиссара — Ум (*греч.* «Нус») или Слово («Логос»), персонализированное в Иисусе. Христианство традиционное настаивает на ложности такого подхода. Согласно этой концепции, Бог вовлечен в историю человека и человечества, от Адама непрерывно присутствуя в ней. Более того, Он однозначно видит в этой истории смысл, она имеет Им определенные правила и движется по Им определенной логике, пусть и не всегда понятной Его творению. Этим связка между новозаветной Церковью и ветхозаветной общиной принципиально важна: она демонстрирует, что Бог от творения человека до дня сегодняшнего — Тот же. Одним и тем же Духом спрашивалось: «Адам, где ты?» (Быт. 3: 9) — и было сказано с креста: «Отче, прости им, они не знают, что творят» (Лк. 23: 34).

Отсюда следует второе соображение: так как Бог Ветхого и Нового Заветов один и тот же, для

которое понимается как освобождение и возвращение в божественную реальность ее элемента, присутствующего в человеке и, таким образом, заключенного в мире материи; 3) концепция «знания» (гносиса, *греч.* γνῶσις) как необходимой для спасения совокупности космологических и антропологических представлений, имеющей сверхъестественное происхождение, сообщаемой посредством особого откровения и доступной только избранным (Православная энциклопедия. Том XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. — С. 628).

христиан приобретает значение не только учительный, но и молитвенный ветхозаветный опыт. Для общины Израиля Псалтирь была важным молитвенным сборником, стала она таковым и для Нового Израиля — Церкви.

Псалтирь можно условно назвать «ветхозаветным молитвословом». Ряд псалмов возникает непосредственно как личные молитвенные тексты, какие-то связаны с царским культом; некоторые происходят из недр общественного богослужения скинии и Храма. И при всем многообразии составляющих Псалтирь — в конечном виде сборник из примерно ста пятидесяти псалмов — четко подчинена нуждам и потребностям каждого верующего, то есть преподана не столько общине, сколько конкретному молящемуся.

Конечно, именовать Псалтирь «молитвословом» мы можем только с множеством оговорок. Хотя бы потому, что большинство верующих иудеев не могли иметь ее дома ввиду высокой стоимости рукописей. Выходом из этой проблемы было заучивание ряда псалмов наизусть. Мы до сих пор встречаем в наших общинах верующих, которые знают Псалтирь если не целиком, то в серьезном объеме благодаря ее регулярному молитвенному чтению. И если сейчас это уходящий навык из-за избыточного доступа к текстам в книгах и гаджетах, то в древности, как иудейской, так и христианской, запоминание услышанных за богослужением текстов для большинства было единственной возможностью ими пользоваться самостоятельно. Но запоминание и использование должно быть связано с пониманием — уже у современников Христа возникали проблемы

с восприятием древнееврейского текста, что уж говорить о нас.

Псалтирь — текст достаточно непростой: ранние псалмы в ней восходят к архаическому бронзовому веку. Самые древние тексты, на которые она опирается, относятся к XIII веку до Рождества Христова. Ряд исследователей считают, что некоторые из наиболее ранних псалмов соприкасаются в культурном поле с аналогичными угаритскими текстами. Удивительно — цивилизация, имя которой для нас уже ничего не значит, на самом деле опосредованно до сих пор оказывает влияние на нашу жизнь.

Название Псалтири

Псалтирь — термин греческий (ψαλτήριον), и происходит он от группы слов, которые означают игру на струнном инструменте. Это соотносится с ветхозаветными свидетельствами о том, что Давид — автор псалма как жанра — еще до того, как стал царем, был известен своим музыкальным талантом. Он аккомпанировал себе на струнном инструменте, когда пел.

Так в Септуагинте (перевод Ветхого Завета на греческий) и появляется термин «псалом» (III в. до Р. Х.). Впоследствии его начинает использовать Филон Александрийский — известный иудейский экзегет I века до Рождества: он говорит еще только о единичных текстах, то есть о конкретных псалмах. А уже веке в IV по Рождестве Христовом мы видим библейские кодексы, где собрание псалмов получает заглавие «Псалтирь».

С Масоретским текстом — Писанием на иврите — эта логика будет пересекаться лишь частично. Псалом здесь будет называться «мизмор», что значит «песня под аккомпанемент», а вот книга в целом — «Тегилим», то есть «Хваления».

Внутренняя хронология книги

Внутри Псалтири мы не увидим системной хронологии: редакторы, собиравшие псалмы, не ставили перед собой цели двигаться от ранних к поздним. Это отмечено классиком христианской экзегезы блж. Феодоритом Кирским: он говорит, что внутри Псалтири нет исторической последовательности и мы можем увидеть более ранним по счету псалом, повествующий о Давиде, а более поздним — псалом о Сауле, его историческом предшественнике.

Ряд библеистов, однако, считают, что первые псалмы написаны в более раннюю эпоху. Действительно, первый и второй псалмы — это богословское введение в Псалтирь, а последние пять, стопятидесятый особенно, — однозначный финал Псалтири, по которому она и получила название «Книга Хвалений». Темы боли, страдания, надлома, кризиса находятся преимущественно в первой части Псалтири, а чем дальше — тем сильнее начинает возрастать тема хвалы. Хвала звучит и в ранних псалмах, но там она интересно перемешана с непривычной нам этикой. Так, в псалме 22 говорится: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня» (Пс. 22: 4). Это высокая патетика, но

в качестве подтверждения своей мысли автор дает иллюстрацию, с нашей точки зрения, морально не-безупречную. Он говорит далее: «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена» (Пс. 22: 5) — то есть автор не может наслаждаться благодатью Божией в одиночестве, ему нужны свидетели из числа врагов, чтобы они смотрели, стоя поодаль, и завидовали. Псалтирь — плоть от плоти и кровь от крови ветхозаветной этики, константой которой является принцип талиона (равного возмездия) — «око за око и зуб за зуб» (Исх. 21: 24). Понятно, что с позиции Нового Завета, как культурные наследники новозаветной этики, мы смотрим на это как на дикость.

В православной традиции для удобства чтения за богослужением Псалтирь делится на 20 кафизм (от *греч.* «кафисма» — «сидение»), но это вмененная сборнику структура. В нем самом наблюдается деление псалмов на пять групп (книг), что указывает на мысль редактора, соотносящего пять книг псалмов с Пятикнижием Моисея. Деление осуществлено с помощью четырех доксологических, то есть хвалебных, формул, которые помещены в псалмах 41 (41: 14), 72 (72: 18–19), 89 (89: 53) и 106 (106: 48). Псалмы 1–2 и 146–150 служат обрамлением всего сборника и не входят в эти пять книг.

О ремарках/надписаниях псалмов

Большинство псалмов имеет надписание, являющееся, скажем так, технической заметкой на полях, которая что-то должна сообщить тому, кто

будет читать это, исполнять. Иногда ремарка бывает смысловой, укореняя псалом в историческом контексте, например, говорит, что он Давидов. Часто мы делаем отсюда ложный вывод, что псалом Давиду принадлежит, но речь не обязательно об этом. Надписание «мизмор ле Давид» с иврита может быть переведено и как «псалом Давидов», и как «псалом о Давиде». Оно означает, что псалом соотнесен с историей Давида: Давид может не являться его автором, но этот псалом — точно про него. Всю Псалтирь мы называем Давидовой достаточно условно: она содержит в себе ряд псалмов Давида и большой ряд псалмов совершенно других авторов. Ремарки же указывают как на возможное авторство, так и на основную тему того или иного псалма.

Псалмы сынов Кореевых — это тексты, авторство которых традиционно относят группе певчих Иерусалимского храма. Главная или как минимум проходящая как рефрен мысль в этих псалмах — о значимости Иерусалима, ценности Сиона и безусловной ценности Храма. О чем бы в них ни говорилось, авторы обязательно вернутся к Храму, никогда его из вида не упустят. Псалмы Асафовы, как предполагается созданные Асафом, придворным музыкантом из окружения Давида, посвящены совершенно другой тематике: здесь перед нами будет богословское и поэтическое осмысление истории Израиля — «священного прошлого».

Давидовы псалмы наиболее остры, эмоциональны. Среди них больше всего плачей, сетований, пожеланий всяческого «добра и блага» врагам после того, как вороны выклюют их печень, и тому

подобного. Это не удивительно: в них рассказывается история Давида, которая была очень своеобразной как до воцарения, так и после. В ней были и преследования царем Саулом, и организация убийства своего же военачальника Урии ради брака с его вдовой Вирсавией в начале царствования, и вооруженный, системный политический конфликт с собственным сыном Авессаломом. Как это ни странно, конфликт этот не привел Давида к озлоблению против сына: когда Авессалом погиб, тот принял исключительной длительности траур, пока его окружение не начало ему пенять на такое оплакивание. Перед нами не только царь, пророк, но и яркая, неоднозначная личность с крайне болезненной историей. В псалмах Кореевых сынов и псалмах Асафовых такой напряженности и боли практически никогда не будет — в них будет поэзия, богословие, ретроспекция, история.

Еще целый ряд псалмов не принадлежит перечисленным авторам и обозначен другими именами. Достаточно большой объем текстов Псалтири кроме завязки авторской имеет и завязку техническую — то есть указание на то, как псалом исполнять. Здесь перед переводчиками открывается бездна возможностей, потому что всякая техническая терминология — вещь очень своеобразная. Прошли даже уже не столетия, а тысячи лет, и что конкретно, на практике значил какой-либо термин, сказать очень сложно. Такая же проблема с переводом ветхозаветных названий. Имена растений и животных, созвездий и драгоценных камней в рамках последующей истории, культурного взаимодействия с другими народами,

взаимопроникновения языков менялись десятки раз. Также и технические рекомендации, как исполнять тот или иной псалом, оставляют перед нами достаточно большой простор — иногда откровенно для фантазии.

Например, «Начальнику хора» — это вполне логичная ремарка: «Регенту обратить внимание, что надо делать». На греческий она переводится термином *тéлoс*, и под ним имеется в виду «Совершителю» — тому, кто руководит процессом (пения), его совершает. Но *тéлoс* имеет еще и значение «завершение», то есть финал, исполнение как «наполненность» и «конец». Поэтому, например, в славянском переводе мы получаем не «Начальнику хора», а «В конец». То есть в начале текста стоит ремарка «В конец» — и что с этим вообще делать, что хотел сказать автор? На самом деле автор был вполне однозначен, а вот ступенчатый перевод с иврита на греческий, с греческого на славянский привел к тому, что произошла абсолютная инверсия смыслов и мы пришли к совершенно иным выводам. Более того, мы пытаемся их как-то осмыслить и дать им логическое, внятное, стройное объяснение, например, такое: «Так как наша молитва обращена к Богу, а Бог есть исполнение всего, то поэтому, конечно, этот текст надписан словом „В конец“, потому что к Завершению Всяческих он обращен». Это абсолютная смысловая эквилибристика, но звучит убедительно. Чтобы в такие смысловые засады не попадать, нам нужно время от времени обращать внимание на то, что же написано в версии на иврите.

О двух версиях Псалтири

Псалтирь, как и большинство ветхозаветных книг, существует в двух версиях: на иврите (Масоретский текст, от «масорет» — «предание») и греческом (Септуагинта — «перевод семидесяти толковников»). Все переводы на другие языки осуществлены с одного из этих текстов или с обоих. Так, например, церковнославянский текст Псалтири восходит к греческой версии, а русский синодальный текст Псалтири — к версии на иврите, скорректированной с использованием Септуагинты, современный перевод Российского библейского общества осуществлен только с иврита.

Казалось бы, зачем нам вообще текст на греческом, ведь каждый перевод так или иначе исказит смысл оригинала? Такой вопрос о Ветхом Завете в версии Септуагинты задавал себе Мартин Лютер — отец Реформации. Когда он решил, что может и должен уйти от всех исторических напластований, которые со временем возникли в Католической Церкви, и прийти к «чистому» христианству, как его проповедовали Христос и апостолы, он сделал совершенно закономерный и, в общем-то, кажущийся оправданным вывод: текст Библии на латыни — перевод и интерпретация, его нужно отвергнуть в пользу Нового Завета на греческом — в этом виде он и написан апостолами — и Ветхого Завета на иврите — на нем писали пророки и Моисей. Так мы получили протестантский канон Библии, который на 11 книг короче, чем канон традиционных Церквей. Казалось бы, Лютер был совершенно прав, но есть нюансы. Проблема в том, что Септуагинта и Масора соотносятся

друг с другом не как оригинал и перевод, а как два самостоятельных варианта текста. Септуагинта явно опирается на какой-то источник или источники, которые не дошли до нас на иврите (так называемые протомасоретские тексты), а не на Масору.

Эта рассогласованность источников Септуагинты и Масоры стала очевидна, когда нам открылась бездна кумранских свитков — почти тысяча рукописей, найденных в пещерах у Мертвого моря в середине XX века. В них мы находим примеры книг, существующих в разных версиях: в одном кувшине содержится рукопись книги на иврите типа Септуагинты, а в соседнем — рукопись той же книги, близкая к Масоре. С Псалтирью — похожая история: и она обнаруживается в ряде разнящихся рукописей.

Проблема всей древней литературы в том, что до достаточно позднего периода ее тексты не знали привычного нам деления на стихи и главы. А в случае греческого языка — даже на слова! Текст латинский и греческий писался сплошную, и из этой череды букв образованный мог вычленить слова, а не очень образованный — увы, не мог. Поэтому понять, где заканчивается один фрагмент произведения и начинается другой, в ряде случаев было проблематично. В том числе поэтому греческая и еврейская традиции, насчитывая в Псалтири 150 псалмов, разделяют их различно. Первые восемь псалмов совпадают, а вот 9-я греческая версия текста в масоретской версии на иврите делится на два произведения — 9-й и 10-й псалмы. Так возникает сбой в счете, который нормализуется лишь к концу книги, когда греческие 146-й и 147-й псалмы в версии на иврите составят единый 147-й и оставшиеся три

псалма единодушно закончат сборник. Разница присутствует не только в нумерации, но и в начале и завершении — в границах отдельных псалмов. Поэтому, говоря о некоторых псалмах, мы будем вслед за масоретским текстом немного «заходить на территорию» следующего псалма.

Почему псалмов 150?

Важный момент относительно общей структуры книги — наличие почти дословно дублирующих друг друга псалмов. С точки зрения большинства библеистов, оно объясняется тем, что Псалтирь формировалась поэтапно. Видимо, в разное время, в разных средах появилось несколько блоков псалмов, которые впоследствии в рамках редакции были объединены в целостное произведение: ввиду того что некоторые акценты в них различаются, редактор не посчитал возможным предпочесть одну версию другой. Так произошло с 13-м и 52-м псалмами. С нашей точки зрения, они почти идентичны, но в них используются разные имена Божии — «Бог» в 52-м и «Господь» в 13-м. Для нас Господь и Бог — это синонимы. Для автора текста разница огромна — это разница между нарицательным именем «Бог» — «Элохим» и «Господь», скрывающем в нашем переводе «личное имя» Бога — Яхве. Важно иметь в виду, что за каждым из этих имен стоит определенная традиция богословского интерпретирования. Получается, что, в общем-то, один и тот же текст с разным упоминанием имен получает совершенно разную богословскую окрашенность.